

Аракел из Муша и другие / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Аракел из Муша и другие / рассказ АРАКЕЛ ИЗ МУША И ДРУГИЕ

(Рассказ печатается с небольшими сокращениями.)

Ашот-даи знает все.

Он знает, отчего вот уже третий день в лагерь не завозят хлеб и заключенных кормят вареной картошкой и отчего вареная эта картошка слегка сладковата на вкус, он знает, что связывает лагерного врача заключенного Трахтенброда с больничным завхозом Мавриным и по каким таким медицинским показаниям в женском отделении сочли необходимым огородить досками закуток, куда на единственную койку укладывают не столько арестантов, сколько арестанток, он знает, за что разжаловали и погнали на общие работы старосту третьего барака Иванова, заменив его молодым и здоровым, не в пример предшественнику, Мирбабаевым; Ашот-даи знает, почему после смерти Заманова заметно приободрился Имам Али и откуда на нем обновка – темно-серая рубаша; Ашот-даи знает даже, что с последним этапом из Читы прибыл армянин родом из Муша [1], и зовут его Аракелом, и фамилия у него Утуджян, и назначен он дневальным по пятому барaku.

Приземистый, с узким лбом, узкими глазами, лицом, тронутым редкими рябинами, и крючковатым наполеоновским носом, неторопливый мужичок лет около шестидесяти... Войдя в пятый барак, я тотчас его заприметил. Он сидел на нижних нарах влоботорота ко мне, склонившись над листком бумаги с подложенной для твердости картонкой. С его места напрямую просматривалась дверь, должно быть, чтобы никого – ни входящих, ни выходящих – не упускать из виду. День был воскресный, барак пустовал, арестанты с работы еще не вернулись. Услыхав шаги, Аракел не поднял головы и не взглянул

на меня, а громко спросил на корявом русском, в котором отчетливо прозвучали западноармянские интонации:

– Кто такой?

– Не такой и не сякой, а свой, – ответил я как можно непринужденней, будто давнему знакомому.

– Господи Иисусе, – не крестясь, выдохнул Аракел, – неужто армянин?... Ну-ка сядь, сядь. Беглар говорил, мол, есть в лагере армяне... Э-э, где их только нет... Родом откуда будешь? Беглара знаешь?

– Нет, – ответил я, – не знаю.

И чуть было не началось то, чего я терпеть не мог: расспросы, которым нет ни конца, ни краю. Не меняя позы, Аракел тыкал отточенным огрызком желтого карандаша в еще не исписанную бумагу, точно собирался протоколировать мои ответы. Но я поспешил опередить его:

– Письмо пишешь?

– Письмо? Да нет, сынок, куда там... Послушай, а ты по-русски писать умеешь?

– Умею, – сказал я.

– Так это тебя Бог ко мне послал... Устраивайся. Вот бумага, вот карандаш. Пиши, что я скажу.

Я сидел в полной боевой готовности.

– Дарагой Антарам, – продиктовал Аракел.

– Дорогая Антарам, – поправил я, записывая.

– Фу ты, запомятовал... Женщина – та дорогая, а дорогой будет отец и учитель.

Аракел и не подумал уточнять, о ком речь, ибо в те поры был один-единственный на весь белый свет «дорогой отец и учитель»...

– Дорогая Антарам, сижу я, живой и здоровый, и пишу вам, на сердце у меня радость, а душой я с вами... Написал?

– Написал.

– Антарам-джан, обо мне не беспокойтесь... дай Бог долгих лет великому нашему отцу. Чувствую я себя очень даже хорошо, только вот свежий хлеб изрядно мне надоел, пришли килограмма два сухарей; смочишь их в воде – благодать. А если б еще сахару да чесночку... Словом, решай сама, по возможности... Написал?

– Написал.

– Антарам-джан, подсоби чем из одежды, что будет, то и пошли, лишь бы потеплей. Не подумай, будто нас тут холодом-голодом морят, слава нашему... как раз и вставь «дорогому отцу». Жаловаться грех, но что прошу – ты уж постарайся, пришли. Серобу и Ваану накажи лишку с клиентами не болтать, язык до добра не доведет... Написал? Теперь дальше. В ортачальской тюрьме на моих глазах помер Ованес, который Мртоян.

– Про это не стоит, – сказал я, – того гляди, не дойдет...

– Молодец, этого не надо. – Аракел из Муша мигом сообразил, куда я клоню. – Стало быть, пиши: большой привет сыновьям моим Серобу и Ваану, снохам и внукам, знакомым и родне, славному нашему Тифлису... и отцу нашему... как это по-русски?..

– Мудрому.

– Мудрому? Нет, не годится. Он же тифлисский, беды не оберешься.

Я понял прозорливого мушца: слово «мудрый» по звучанию – никак не по смыслу! – смахивает на весьма распространенное в Тифлисе мундрик [2].

[1] Город в Западной Армении, ныне на территории Турции.

[2] Уменьшительное от мундар – пакостник, гнусная тварь (искаженное турецкое).